

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.6>

УДК 81'373.611
ББК 81.052.0

Дата поступления статьи: 08.02.2016
Дата принятия статьи: 15.03.2016

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ СУБСТАНТИВОВ В ТЕКСТАХ ЛЕТОПИСНОГО ЖАНРА

Ирина Валерьевна Ерофеева

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
erofeeva89@mail.ru
ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются функционально-семантические особенности производной именной лексики в языке русских летописей. Словообразование рассматривается как важный механизм номинативной деятельности человека, отражающий процессы освоения внеязыковой действительности. Использование лингвокультурологического подхода к изучению языковых особенностей древних текстов позволяет выявить важные для этноса фрагменты действительности, получающие словообразовательную детерминацию. Анализуются наиболее продуктивные словообразовательные типы производных имен существительных, относящиеся к двум основным семантическим полям – полю деятеля и полю действия. Определяется функционально-смысловая нагрузка задействованных в субстантивном словопроизводстве морфем, связанная с их стилистической маркированностью, происхождением и семантическим потенциалом. Выявляется зависимость в употреблении единиц разных словообразовательных типов от жанра летописного повествования. Рассматриваются различные случаи соотношения словообразующего суффикса и производящей основы, детерминирующие стилистический статус производных имен. Устанавливаются значимые для средневекового сознания признаки, получающие актуализацию в актах словообразования. В сфере дериватов со значением лица (деятели) и в сфере дериватов со значением действия анализируются и классифицируются производные образования с наиболее продуктивными суффиксами. Проведенное исследование дополняет и расширяет представление о языке русских летописных сводов – важнейшем источнике изучения русского литературного языка периода средневековья.

Ключевые слова: летописание, лингвокультурология, словообразование, субстантивный суффикс, стилистическая маркированность.

Изучение произведений средневековой словесности позволяет приоткрыть завесу над тайнами картины мира человека той эпохи, представить его систему ценностей и рассмотреть способы репрезентации универсальных категорий культуры. Анализ богатейше-

го языкового материала древнерусских текстов дает возможность выявить особенности ментальности и мировоззрения древних людей, их отношения к миру, обществу и самим себе. Через исследование языковых единиц осуществляется познание национальной кар-

тины мира, появляется возможность «войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса» [6, с. 12].

Обладая обобщающей функцией, слово способно передавать в свернутом виде результаты человеческого опыта по освоению окружающей действительности. Внутри каждого этноса существуют собственные культурные традиции, формируется определенный образ мира. Обращение к истокам, прошлому позволяет взглянуть на мир с учетом древнейших воззрений и лучше понять ценностные для русского человека представления. Выявлением исторических предпосылок формирования русской языковой картины мира занимаются многие современные ученые (см., например: [1–3; 5]), проводя лингвокультурологические исследования древних текстов с целью выявления важных для этноса универсалий.

Культурное содержание имеют языковые единицы разных уровней языковой системы. Особое место здесь занимает словообразовательный уровень. С помощью словообразования создаются номинации реалий, значимых для общественного сознания, входящих в систему ценностных представлений человека средних веков. «Изучение словообразования в его погруженности в жизнь показало, что оно является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным актом словотворчества, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое» [1, с. 8]. Кроме того, изучение словообразовательно маркированных языковых единиц позволяет проводить стилистические исследования, так как деривационные средства были четко разграничены по жанровым сферам употребления.

Наиболее объемным и разноплановым источником, отразившим весь строй языка периода средневековья, являются летописные своды. В них представлены различные произведения, объединенные общей канвой исторического повествования. В летописях наиболее отчетливо наблюдается зависимость в употреблении единиц разных словообразовательных типов от жанра повествования. Внутри арсенала словообразовательных средств существовала оппозиция стилистически маркированных и немаркированных дериватов. Производные имена, образованные при помо-

щи разнообразных морфем, функционировали в контекстах определенного типа. «У каждой формальной операции и каждого словообразовательного средства есть свой диапазон действия и свое назначение, своя номинативная цель» [7, с. 81]. Словообразовательные средства имели стилистическую закреплённость, что использовалось в реализации концептуально значимой для средневековья оппозиции «светское» – «религиозное».

Учитывая бинарный характер производного слова, необходимо иметь в виду, что для характеристики стилистического потенциала производного слова важны особенности сочетания производящей основы и словообразующего аффикса. «Стилистическую нагрузку при единстве основ несут форманты, а при единстве форманта – производящие основы» [8, с. 129]. Возможны различные типы сочетаний производящей основы и словообразующего аффикса в субстантивном словопроизводстве, определяющие степень стилистической маркированности производного слова. Стилистически наиболее нагружены дериваты, которые образованы соединением стилистически маркированной производящей основы и стилистически маркированного аффикса, например: *мучитель*, *въздержание*, *прегрѣшение*. Стилистически маркированный аффикс может соединяться и со стилистически нейтральной производящей основой, например: *грабление*, *скрипание*, *рѣзание* и под. Такие дериваты используются для экспрессивизации повествования, придания ему большей выразительности. Стилистически нейтральный аффикс может осложнять стилистически отмеченную производящую основу, например: *церковьникъ*, *кѣнижьникъ*, *вѣбра*, *трепетъ* и под., в результате чего образуются маркированные лексемы, связанные с репрезентацией религиозных представлений. Соединение нейтрального аффикса и стилистически нейтральной производящей основы приводит к созданию нейтральных или даже сниженных слов типа *лапотъникъ*, *путъникъ*, *гребѣць* и под.

Способы концептуализации действительности эпохи средневековья связаны с теологическим мировоззрением того времени. Поэтому язык конфессиональной культуры занимал в средневековых текстах значительное место. Этот язык отличался богатством и

разнообразием словообразовательных средств. В нем получили широкое распространение словообразовательные модели с общеславянскими по происхождению суффиксами *-(e)ни(e)*, *-ост(ь)*, *-ств(o)*, *-тел(ь)*, особенно продуктивными в производстве отвлеченной лексики – необходимого элемента любого произведения на религиозные темы.

Как известно, в деривационной системе древнерусского языка были представлены два основных семантических центра – поле деятеля и поле действия [9]. Первый центр представлен высокочастотными образованиями со значением лица. Анализ дериватов, обозначающих деятеля, позволяет реконструировать образ человека той эпохи, составить представление о его жизни, отношении к религии, профессиональных навыках, военных занятиях и т. д. Наиболее продуктивными аффиксами со значением лица в древнерусском языке являлись суффиксы *-(ьн)ик(ь)*, *-ьц(ь)*, *-тел(ь)*. Суффиксы *-(ьн)ик(ь)* и *-ьц(ь)* относились к стилистически нейтральным, немаркированным формантам, в то время как суффикс *-тел(ь)* был связан с высоким стилем.

Однако суффиксы *-(ьн)ик(ь)* и *-ьц(ь)* также могли использоваться для номинации лиц, связанных с сакральной сферой, в том случае, если они выступали в соотнесенности с производящими основами религиозной семантики. Помимо языковой маркированности, такие формы приобретали и культурную маркированность, поскольку были связаны с церковно-книжной традицией. Соответствующие дериваты выступают в религиозных произведениях: житиях святых, сказаниях о религиозных подвижниках, цитатах из священных книг, морализаторских отступлениях автора и под. Так, среди форм на *-(ьн)ик(ь)* отмечаются наименования представителей церковной иерархии и лиц, посвятивших себя служению Богу: *псаломьникъ*, *кѣлеиникъ*, *кѣнижъникъ*, *скимьникъ*, *церковьникъ*, *жърьць*, *скопць*, *черньць* и др. Личные дериваты с религиозным компонентом семантики, например, такие как *праведьникъ*, *грѣшьникъ* или *мученикъ*, представлены в летописных сводах с высокой степенью частотности. Они фиксируются в составе устойчивых ситуативных формул, представляющих значимые для религиозной культуры положения.

В летописном повествовании отразилась и другая сторона внеязыковой действительности, связанная с земным миром, в котором человек выступал как часть социума, коллектива. В этой сфере для номинации человека актуальными становились такие лексико-семантические признаки, как род занятий, профессиональная деятельность. Эта группа субстантивов весьма обширно представлена в летописях, что свидетельствует о широком охвате исторических событий, фактографичности и документализме исследуемых текстов. Каждый человек в феодальном обществе выполнял определенную роль: «социальные роли в феодальном обществе строго фиксированы и целиком поглощают человека» [3, с. 309]. Для номинации человека по его предназначению, определяемому высшей силой, но реализуемому в повседневной, трудовой жизни, используются образования с суффиксами *-(ьн)ик(ь)* и *-ьц(ь)*, мотивированные производящими основами конкретной семантики и лишённые стилистической нагрузки, так как относят дериваты к сфере профанного, бытового. Они номинируют лицо по отношению к предметам его профессиональной деятельности: *котельникъ* – «ремесленник, изготавливающий медную посуду», *каменьникъ* – «каменщик», *плотьникъ* – «мастер, работающий с деревом», *щитьникъ* – «мастер, изготавливающий щиты», *суконьникъ* – «суконщик, работающий с сукном», *мостьникъ* – «лицо, ведающее устройством мостов» и др. Данные лексемы употребляются в летописных текстах в сходных синтаксических конструкциях в аппозитивной функции при именах собственных: *А новгородьць убиша на съступѣ Дмитра Пльсковитина, Онтона котельника, Иванька Прибышниця опоньника* (НІЛ, л. 86 об.); *А новгородьць ту убиша 10 мужъ: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу серебряника* (НІЛ, л. 119)¹. О развитости торгово-посреднической деятельности свидетельствует широкое распространение в летописях слов типа *даньникъ* – «сборщик дани», *вирьникъ* – «княжеское должностное лицо, взимающее виру», *гостьбникъ* – «гость, купец», *купць* – «купец, торговец» и под. Значительное место в летописях занимает описание военных событий, участники которых

получали наименование в основном по выполняемой ими функции: *лодеиникъ* – «гребец в лодке, воин корабельный», *копейникъ* – «ратник, вооруженный копьем», *коньникъ* – «всадник», *путьникъ* – «находящийся в пути, походе», *гребьць* – «гребец в лодке», *стрѣльць* – «стрелок из лука» и др. Отдельную группу дериватов, обозначающих лицо (деятеля), составляют наименования представителей власти Древней Руси. Такие слова, как *посадыникъ*, *намѣстникъ*, *сѣвѣтъникъ*, *думьць* и под., отражают иерархию государственной власти, являясь наименованиями лиц по занимаемой должности в государственных учреждениях, местном управлении, на дипломатической службе.

Нейтральным в стилистическом отношении суффиксам *-(ьн)ик(ь)* и *-ьц(ь)* противопоставлен суффикс *-тел(ь)*, связанный с книжно-славянской традицией. Образования с ним характеризуются однозначностью категориального словообразовательного значения, связанного с однозначностью производящей базы, в качестве которой выступали исключительно глагольные основы. Субстантивы на *-тел(ь)* менее частотны в летописных текстах и используются для номинации только действующего лица. На первых порах близость к производящему глаголу ограничивала продуктивность данной словообразовательной модели, но в дальнейшем установление связи с инфинитивом способствовало активизации данного суффикса. Поэтому количество образований на *-тел(ь)* незначительно в первых русских летописях и возрастает в летописных сводах более позднего периода. Стилистическая маркированность данного форманта определяет и специфику функционирования производных на *-тел(ь)*, которые отмечаются прежде всего в книжных жанрах и редко используются в деловых и фольклорных произведениях. Первоначально образования на *-тел(ь)* типа *служитель*, *святитель*, *учитель*, *мучитель*, *избавитель* и под. характеризовались специально-религиозным значением и были распространены в похвальных словах, житиях, морально-дидактических отступлениях. Например, слово *служитель* выражало специальное значение «служитель Бога» и употреблено в «Повести временных лет» в «Похвальном слове Борису и Глебу»: *Радуется не-*

бесная жителя въ плоти ангела быста. единомысленная служителя верста единообразна святым единомушину (ПВЛ, л. 47). Другое образование с суффиксом *-тел(ь)* – *житель* – в данном контексте также приобретает специализированное значение «небесный обитатель», хотя в древнерусском языке оно могло реализовывать и стилистически нейтральное значение «тот, кто живет где-либо».

Образования с суффиксом *-тел(ь)*, используемые для номинации лиц по социально-юридическому статусу, приобретали терминологизированное значение. Важность такого типа номинаций отражается в использовании целого ряда синонимических форм на *-тел(ь)* с общим значением «правитель»: *властитель*, *держатель*, *кормитель*. Выявление различий во внутренней форме данных имен позволяет реконструировать особенности языкового сознания средневекового человека, понаблюдать за способами постижения им мира. Наиболее выражена социальная семантика у девербатива *властитель*, мотивированного глаголом *власти* в значении «обладать властью на кем-либо». В образовании *держатель* внутренняя форма более завуалирована, так как глагол *держати* наряду с рядом немаркированных значений мог иметь и семантику «владеть, иметь власть». В значении образования *кормитель* социальная семантика обусловлена метафорической деривацией, поскольку в семантике производящего глагола *кормити* «кормить, воспитывать, содержать» отсутствует указанный социальный компонент.

Второй семантический центр словообразовательной системы древнерусского языка представлен образованиями, относящимися к полю действия. Наиболее продуктивными в этой группе производных имен были образования с суффиксом *-(е)ни(е)* и с нулевым суффиксом. Данные формы характеризуются однозначностью производящей базы и в отличие от имен поля деятеля мотивируются только глагольными основами. Они образованы посредством транспозиции, при которой «производное фиксирует своей расчлененной структурой определенный способ семантической ассоциации» [7, с. 75], то есть происходит не только перераспределение синтаксических функций, но и формирование нового содержа-

ния. Формы на *-(e)ни(e)* занимают значительное место в языке конфессиональной культуры и отличаются высокой частотностью употребления, связанной с общезыковой тенденцией усиления продуктивности абстрагирующих форм вплоть до XIX века.

Транспозиция действия в именные формы приводит к тому, что в именах с категориальным значением предметности появляется процессуальная семантика. Такое перемещение глагольных признаков в имя способствует формированию особого стилистического статуса, поскольку общеславянский по происхождению суффикс стал необходимым и наиболее продуктивным средством номинации отвлеченных понятий. Большинство образований на *-(e)ни(e)* представлены в произведениях, связанных с церковно-книжной традицией, в которых они подвергаются специализации и терминологизации значения. «Процесс ментализации, то есть усвоения христианской символики в категориях и формах славянского языка, есть одновременно и процесс становления новой терминологии, нашего основного источника в изучении ментализации» [5, с. 35].

Среди образований на *-(e)ни(e)*, связанных с номинацией явлений, относящихся к области сакрального, представлены несколько основных групп.

Производные имена подвергаются терминологизации значения в церковной сфере. В результате семантических приращений к значению производящего глагола deverбати́вы получают возможность обозначать различные церковные обряды и ритуалы: *стояние* – «молитвенное стояние, молитва», *кланяние* – «поклонение», *чтение* – «чтение богослужебных книг» и т. д. Количество таких обозначений увеличивается в более поздних летописных сводах. Так, в Московском летописном своде отмечаются лексемы, отсутствующие в «Повести временных лет»: *причащение* – «приобщение (о святых тайнах)», *пострижение* – «посвящение в монашество», *правление* – «установленное богослужение», *поставление* – «посвящение в церковный чин».

В сфере религиозной терминологии широко представлены имена фразеологичной семантики, связанные с выражением фундаментальных ценностей славян. «Аксиологическая ориентированность языковой картины

мира проявляется в производных именах различных словообразовательных типов внутри основных словообразовательных полей» [4, с. 20]. К ним относятся лексемы, подвергшиеся специализации значения в плане наименования действий, проповедуемых христианским вероучением: *въскресение* – «возвращение умершего к жизни», *исхождение* – «исхождение святого духа», *падение* – «впадение в грех» и др. В период так называемого второго южнославянского влияния количество таких образований значительно возрастает. При этом суффикс *-(e)ни(e)* использовался не только с целью конструктивного словообразования, но и выполнял экспрессивную и стилистическую функции. Например, в Московском летописном своде при описании строительства церковью использовался традиционный зачин, в котором ключевое место занимали дериваты на *-(e)ни(e)*, передававшие особую торжественность и святость описываемого момента: *Того же лѣта мѣсяца априля хотѣниемъ и многимъ желаниемъ пресвященнаго митрополита Филиппа всеа Руси, съ благоволениемъ же и повелѣниемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси, бысть начало зданию церкви пресвятыя владычица нашеа Богородица на Москвѣ* (МЛС, л. 410 об.).

Гораздо реже и в меньшем количестве формы на *-(e)ни(e)* используются в контекстах, описывающих события мирской жизни. В этой семантической области обнаруживается большая связь значения производного имени со значением производящего глагола. Широкое освещение исторических и военных событий в летописях обуславливает частотное употребление имен, мотивированных глаголами со значением физического воздействия на объект: *плѣнение* – «взятие в плен», *обдержание* – «осада», *разорение* – «разрушение, падение», *нападение* – «нападение, притеснение», *разрушение* – «уничтожение» и др.; глаголами лишения: *пограбление* – «ограбление», *разграбление* – «разорение»; глаголами удаления объекта: *изгнание* – «изгнание»; глаголами звучания: *рыдание* – «плач», *ръзание* – «ржание», *ревение* – «рев» и др. Семантика имен на *-(e)ни(e)* тесно связана с семантикой производящего глагола и в случае, если последние

выражают значение отношения между пред-
метами: *повелѣние* – «приказ», *наказание* –
«наставление», *примирение* – «примиренье»
и др. Данные имена могут быть употреблены
как в религиозных, так и в светских контек-
стах. Например, в текстах договоров такие
субстантивы характеризуют намерения дого-
варивающихся сторон: *съхранение* – «сохра-
нение, соблюдение», *удержание* – «утвержде-
ние, закрепление» и др.

Следующую значимую для летописного
повествования группу составляют образова-
ния на *-(e)ни(e)* со значением качества или
состояния. Они используются преимуще-
ственно для характеристики духовной жизни
религиозных персонажей, которые воплощают
в себе христианские добродетели. Посколь-
ку «средневековый реализм персонифициро-
вал пороки и добродетели, как и всякие дру-
гие абстракции, придавая им самостоятель-
ность» [3, с. 314], то поведение человека ока-
зывалось связанным не с личностью как та-
ковой, а с набором ее качеств. Дериваты этой
группы мотивируются глаголами состояния:
стыдение – «стыд, почтение», *смятение* –
«смута, смятение», *умиление* – «успокоение,
смирение», *изумѣние* – «изумление», *уны-
ние* – «печаль, уныние», *наслаждение* – «ра-
дость» и под.

Поскольку суффикс *-(e)ни(e)* закрепил-
ся в обозначении отвлеченных понятий, об-
разования с ним достаточно редко подвер-
гаются конкретизации. Однако общая тенден-
ция в развитии словообразовательных типов
имен действия определяет возможность вы-
ражения значений результата, объекта, мес-
та, орудия действия. Часть субстантивов на
-(e)ни(e) характеризуется полной конкрети-
зацией: *ядение* – «пища», *одѣние* – «одеж-
да», *принесение* – «приношение, дар», *роще-
ние* – «роща», *препоясание* – «пояс», *стро-
ение* – «здание, постройка», *сзъдание* –
«постройка», *основание* – «фундамент», *на-
писание* – «письмо», *ранение* – «рана» и др.
Часть субстантивов имеет обобщенное зна-
чение предметности, выражая абстрактные
понятия, относящиеся к разным областям
жизни средневекового общества (юридичес-
кой, культурной, религиозной, политической):
обряжение – «завещание», *достояние* –
«состояние, положение», *устройство* – «за-

вет», *проречение* – «пророчество», *проше-
ние* – «просьба», *помышление* – «мысль»,
познание – «знание», *обѣтование* – «обе-
щание, обет», *проречение* – «пророчество»,
вѣщание – «проповедь, предсказание»,
възвѣщание – «предсказание» и др.

Среди имен поля действия в текстах ле-
тописных сводов менее частотны образова-
ния с нулевым словообразовательным суффик-
сом. В отличие от имен на *-(e)ни(e)*, они ха-
рактеризовались более высокой степенью син-
кретизма, способностью совмещать различ-
ные оттенки значения в пределах одного сло-
воупотребления. Нулевой суффикс стилисти-
чески не маркирован, поэтому образования с
ним представлены в разных типах текстов.
Дистрибуция таких образований связана с ха-
рактером выражаемых ими значений и часто
обуславливается семантикой производящей
основы. Данная модель транспозиционного
словообразования существенно отличается от
других разновидностей тем, что в ней исполь-
зуется материально не выраженное средство,
и поэтому среди таких дериватов много древ-
них имен, относящихся к общеславянскому
языковому фонду и отличающихся разнопла-
новостью выражаемых значений. Имена ну-
левой суффиксации представлены двумя ос-
новными структурными группами образова-
ний: к первой относятся deverбативы, моти-
вированные беспрефиксными глаголами, ко
второй – мотивированные префиксальными
глаголами. Образования нулевой суффиксации,
соотносящиеся с беспрефиксными глаголами,
выражают более отвлеченную семантику,
чаще развивают абстрактные значения, в том
числе связанные с семантической областью
«религия». Среди них отмечается немало про-
изводных, ставших именами ключевых кон-
цептов культуры: *вера*, *грѣхъ*, *слава*, *судъ*
и др. Наряду с обозначением разных явлений
духовной жизни, имена нулевой суффиксации
использовались для обозначения элементов
материальной культуры, явлений социальной,
мировой жизни. В летописных отрывках до-
кументального характера представлены фор-
мы со значением физического состояния че-
ловека и состояния природы: *голодъ*, *моръ*,
громъ, *кърмъ* и под. Образования нулевой
суффиксации, мотивированные префиксаль-
ными глаголами, также связаны с двумя се-

мантическими областями – сакральное и мирское, однако их значения более конкретизированы. В области религиозных понятий они обозначают конкретные предметы, атрибуты, ритуалы культа: *притворъ*, *заповѣдь*, *поклонъ*, *уставъ*, *съборъ* и под. Значительно чаще они используются для обозначения понятий мирской жизни (*осада* – «осада», *искусъ* – «грабеж, разбой», *покормъ* – «кормление», *обѣдь* – «принятие пищи», *испытъ* – «расследование»), природных явлений (*заходъ* – «заход солнца», *заморозъ* – «наступление первых осенних холодов»).

Таким образом, два основных семантических поля словообразовательной системы языка – поле деятеля и поле действия – представлены в летописях образованиями с различными суффиксами, каждый из которых занимает свое особое место в деривационной системе языка. Функционально-смысловая нагрузка морфем обусловлена их стилистической функцией, связанной с их происхождением и семантическим потенциалом. В сфере имен со значением лица наиболее продуктивны стилистически нейтральные словообразовательные модели с суффиксами *-(ьн)ик(ь)* и *-ьц(ь)*, которые выполняют сходные функции в языковой системе: при возникающих ономазиологических потребностях используются для номинации человека по тем признакам, которые актуальны для средневекового сознания. Особая нагрузка суффикса *-тел(ь)* в этой сфере связана с его стилистической маркированностью. Наиболее значимыми дериватами, называющими человека, были субстантивы, характеризующие церковных деятелей и религиозных подвижников. Номинации лица по профессиональным, социальным, военным качествам представляют сферу земной жизни. Наиболее продуктивные суффиксы поля действия – *-(е)ни(е)* и нулевой суффикс, противопоставленные как стилистически высокое и нейтральное средства деривационной системы языка, обнаруживают четкое функциональное размежевание. Субстантивы на *-(е)ни(е)* однозначны в выражаемых абстрактных номинациях и выступают как яркое стилистическое средство, образования нулевой суффиксации многозначны и стилистически независимы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примеры из текстов летописей приводятся в упрощенном графическом виде, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, надстрочные знаки не воспроизводятся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.
2. Верещагин, Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников / Е. М. Верещагин. – М. : Мартис, 1997. – 315 с.
3. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
4. Ерофеева, И. В. Лингвокультурологический подход к исследованию древнерусского текста / И. В. Ерофеева // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – Т. 154, кн. 5. – С. 17–22.
5. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
6. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 120 с.
8. Николаев, Г. А. Русское историческое словообразование / Г. А. Николаев. – Казань : Изд-во КГУ, 1987. – 152 с.
9. Ревзина, О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках / О. Г. Ревзина. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 154 с.

ИСТОЧНИКИ

МЛС – Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 25. – 464 с.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего извода / под ред. А. Н. Насонова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – С. 13–100.

ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1. – С. 1–286.

REFERENCES

1. Vendina T.I. *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavianskogo yazyka* [Medieval Man in the Mirror of the Old Slavonic Language]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 336 p.
2. Vereshchagin E.M. *Istoriya vozniknoveniya drevnego obshchoslavianskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatelnost Kirilla i Mefodiy i ikh uchenikov* [The History of the Ancient Common Slavic Literary Language. Translation Activities of Kirill and Methodius and Their Students]. Moscow, Martis Publ., 1997. 315 p.
3. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p.
4. Erofeeva I.V. Lingvokulturologicheskiy podkhod k issledovaniyu drevnerusskogo teksta [Lingvocultural Approach to the Study of Ancient Text]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*, 2012, vol. 154, book 5, pp. 17-22.
5. Kolesov V.V. *Russkaya mentalnost v yazyke i tekste* [Russian Mentality in the Language and the Text]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 624 p.
6. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Cultural Linguistics]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p.

7. Kubryakova E.S. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of Speech in the Onomasiological Interpretation]. Moscow, Izd-vo LKI, 2010. 120 p.

8. Nikolaev G.A. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie* [Russian Historical Derivation]. Kazan, Izd-vo KGU, 1987. 152 p.

9. Revzina O.G. *Struktura slovoobrazovatelnykh poley v slavyanskikh yazykakh* [The Structure Word-Formation Fields in the Slavic Languages]. Moscow, Izd-vo MGU, 1969. 154 p.

SOURCES

Moskovskiy letopisnyy svod 1479 goda. Uvarovskiy spisok letopisi [Moscow Chronicle of 1479. Uvarov List Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 25* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 25]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. 464 p.

Nasonov A.N., ed. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego izvoda* [First Novgorod Chronicle, Senior Bringeth]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950, pp. 13-100.

Povest vremennykh let. Lavrentyevskiy spisok letopisi [Tale of Bygone Years. Laurentian Chronicles List]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 1* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2001, pp. 1-286.

THE FUNCTIONAL-SEMANTIC PECULIARITIES
OF DERIVATIVE WORDS IN THE TEXTS OF CHRONICLE GENRE

Irina Valeryevna Erofeeva

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Russian Language and Applied Linguistics,
Kazan (Volga Region) Federal University
erofeeva89@mail.ru
Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the functional-semantic peculiarities of derivative words in the language of Russian chronicles. The word-formation is considered as an important mechanism of nominative human activity, which represents the process of learning of extralinguistic reality. Reference to the lingvo-cultural approach to studying old texts' linguistic peculiarities gives an opportunity to represent important fragments of reality for certain ethnic group. Such reality fragments are offered derivational determination. In the article the author analyzes the most productive derivational types of derivative nouns which are referred to two main semantic fields – the field of doer and the field of action. Furthermore, the article includes interpretation of determining functional and semantic capacity of morphemes which influences substantive word derivation. Such morphemes' capacity is connected with stylistic peculiarities, origin and semantic potential of words under study. The article reveals connections between genre of chronicle narrative and the usage of representatives of different derivational types.

In the article there is also the analysis of different cases of correlation between word-formation suffix and producing word stem which determine stylistic status of derivative nouns. The author pays attention to significant for medieval consciousness signs which receive actualization in the derivational acts. In the area of personal derivatives and nouns with the meaning of action the author analyzes derivative nouns with the most productive suffixes. This research supplements and expands views about the language of Russian chronicles as the most important source of studying the Russian literary language of the middle ages.

Key words: chronicle, cultural linguistics, word-formation, substantive suffix, stylistic peculiarities.